

Наталья Олеск

Кидайте **ЛИЛИИ ГОРСТЯМИ**

Рассказы

Наталья Олеск Кидайте лилии горстями. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68942166

SelfPub; 2023

Аннотация

Взаимопомощь – великая вещь! В безвыходной ситуации, когда тебя почти полностью одолел страх, ослабели руки-ноги, сознание на грани паники... – случается чудо. Из ниоткуда к тебе приходит на выручку нечто или некто, и всё разрешается будто само по себе. И часто бывает так, что совершенно незнакомые люди помогают с твоей проблемой... Проходит время и понимаешь взаимосвязь всех тонких нитей, которыми опутан наш мир, их хрупкость и значение для каждого из нас.

Содержание

Самолёт	4
Паром	8
Вьетнамский мальчик	12
Пистолет	16
Как мы хоронили Женю	19
Привет из Ташкента	23
Про материальное.	29

Наталья Олеск Кидайте лилии горстями. Рассказы

Самолёт

В начале девяностых годов с перелётами на пассажирских самолётах царил полная неразбериха: рейсы часто откладывали по причине отсутствия топлива. Ожидание могло длиться несколько дней. Задерживали как прямые, так и транзитные рейсы. Во всех случаях было непросто. Однажды, по неизвестной причине, как сообщили, заправочный бак нашего небесного лайнера оказался пуст. До Владивостока, конечного пункта путешествия, не дотянули час полёта. Так мы очутились в Хабаровске. Конечно, дальше можно было добраться на поезде, но свободные билеты, как и кресла в зале ожидания с бесплатными обедами в качестве компенсации, в наличии не имелись. Ближайшие гостиницы переполнены. Ждать возможности пересесть в любой другой самолёт, сидя на чемодане, пришлось целые сутки. В тот раз среди моих вещей оказалась швейная машинка. Её мне подарила мама, чтобы я шила себе обновки, с которыми в те годы было чрезвычайно туго. Пройдя боевое крещение в Ха-

баровском аэропорту – машинку пришлось перетаскивать с места на место по мере моего передвижения, на все последующие годы она стала славной помощницей и палочкой-выручалочкой.

В очередной раз улетая от родных из Петропавловска-Камчатского, я столкнулась с той же проблемой – отменой рейсов. В течение недели узнавала, когда продолжатся полёты. В ответ работники аэропорта лишь пожимали плечами. Учёба в институте уже началась и следовало спешить на занятия. Чудом нашли выход из положения: через третьих знакомых договорились, что полечу на военном самолёте. В сравнении с гражданскими он был небольшим. В тесном салоне я оказалась вместе с офицерским составом. Сидела тихо, как мышь. Из-за непривычной обстановки боялась смотреть по сторонам и лишний раз пошевелиться. Летели долго, около пяти часов, хотя с Камчатки до Владивостока около трёх часов лёту. Приземлились, все офицеры вышли. Я, довольная и счастливая окончанием полёта, на радостях схватив свой небольшой чемоданчик, направилась к выходу. В салоне стоял полумрак, а из дверного проёма по глазам били лучи ослепляющего солнца. Я прикрыла глаза рукой. Дальше всё происходило, как в тумане. В самолёте был открыт транспортный люк, и я упала в него, не заметив из-за яркого света. Повезло: замешкавшийся в салоне офицер успел схватить меня за воротник пальто и вытащил вместе с поклажей. Чемодан со страху я крепко держала в руке, которую

долго после случившегося не могла разжать. Как тот офицер заметил падение, и как у него хватило сил поднять меня наверх, не знаю. Хорошо, что весила не больше пятидесяти килограммов, да и вещи мои тоже не были тяжёлыми. После случившегося он усадил меня в кресло, дал напиток крепкого чая с молоком и объяснил, что прилетели мы не во Владивосток, а в Советскую Гавань. В полёте поступил приказ – необходимо забрать срочный груз, и генералы решили не упускать удобного случая попариться в бане, чтобы впустую не ждать два часа. Так как я была человеком гражданским, ещё и женского пола, говорить мне ничего не стали. Я ещё долго хлопала длинными ресницами из-за произошедшего и не могла унять дрожь, поэтому чашку с ароматным чаем пришлось держать обеими руками. Но самое главное – я временно потеряла дар речи и не произнесла спасшему меня офицеру ни слова благодарности. «Да не волнуйся так! – говорил он, щурясь и поглаживая свою небольшую с белыми сединками бородку. – С кем ни бывает... Ты человек не подготовленный, нюансов не знаешь. Ещё повезло, что я остался. Везучая!» – и, легонько похлопав меня по плечу, вышел. Больше я его никогда не видела.

Дождавшись любителей бани, мы полетели во Владивосток, где меня с нетерпением ждали родные институтские стены. Всю дорогу смотрела в окно на принимавшие разнообразные формы густые молочные облака: сначала мне чудились необыкновенные снежные узоры, украшенные цветоч-

ными лепестками и снежинками, но по мере моего пристального вглядывания они стали всё больше и больше походить на седую бороду деда Мороза...

Паром

Выходные дни мы с сынишкой всегда проводили на даче. Свежий воздух, обильные урожаи ягод на нехитром огорожке, густой цветник с пахучими лилиями, ласковое, бирюзового цвета море – просто замечательно! Сначала надо было добираться на пароме, он шёл около часа. А от пристани до дачи пешком всего минут десять – быстро и удобно. Возвращаться домой никогда не хотелось: безмятежность затягивала, время останавливалось, и вся городская суета с её проблемами и невзгодами оставалась далеко-далеко.

В один прекрасный день на обратном пути к парому отправила сына в магазин за печеньем, сама осталась снаружи. Сынишке исполнилось пять лет, и его пора было учить ответственности и самостоятельности. В данном случае – ясно объяснить продавцу, что необходимо купить, верно расплатиться и забрать сдачу. Прошло несколько минут, сына всё не было. А на паром следовало поторопиться. Морской транспорт ходит строго по расписанию – ждать никого не будет! Недоумевая, заглянула в торговый зал. Продавец ответила, что маленький мальчик уже вышел. «Как я его проглядела? Не может быть! Почему он прошёл мимо меня, не сказав ни слова?» – задавала вопросы самой себе. Ничего не понимая, стала кружить возле жилого дома, в котором находился магазин. Сбегала к даче – всё закрыто. Вернулась.

По дороге увидела старую, много повидавшую на своем веку машину с чёрными стеклами. Резко отъехав, та подняла столб густой пыли... Мгновенно меня одолели самые ужасные мысли, паника нарастала и сковывала с головы до пят. Всё вокруг стало серым, безликим и удручающим...

Взяв себя в руки, позвонила сестре и сбивчиво объяснила ситуацию. Уверенным голосом она посоветовала идти на паром – скорее всего сынишка там. Да, это осталось единственным местом, где я ещё не искала. Сломая голову и закинув на плечо большую, тяжёлую сумку, на каблуках, по грунтовой дорожке – напрямки – ринулась к переправе. Приблизившись, услышала мужской голос, говоривший в рупор: «Наталья Александровна! Наталья Александровна! Ваш сын ждёт в рубке капитана! Прошу срочно подняться!» Я, будто сумасшедшая, стала кричать во всё горло: «Это я – Наталья Александровна! Это мой сын!» При этом широко размахивала руками, понимая, что я – последний пассажир последнего на сегодня парома и могу не успеть. На пирсе уже никого не было. Ветер дул в спину, прибавляя скорости. Мои слова, конечно, никто не слышал. Все только видели молодую бегущую женщину, опаздывающую на паром.

В последний момент успела заскочить на поднимающуюся аппарель. На палубе было полно людей, человек триста, не меньше. Все стояли плотно, жара и духота обволакивали, из-за высоких бортов воздух, казалось, остался где-то наверху. Многие курили, пили пиво, громко разговаривали, сме-

ались, – выходные у большинства пролетели беспечно и весело. Кое-как протолкнувшись к трапу, ведущему к рубке, стала подниматься. Навстречу шла невысокого роста девушка с моим сынишкой. Дальнейшее происходило как во сне: молча смотрела на них, глаза мои были полны слёз, от волнения я не могла говорить внятными предложениями, при этом часто повторяла слово «спасибо». Девушка улыбалась, была спокойна и нарочито медлительна в движениях. Постепенно её состояние стало передаваться и мне. «Это хорошо, что сын знает, как вас зовут. В таких случаях всегда помогает», – сказала она, ласково поглаживая моего малыша по голове. После много раз я думала над тем, как такая юная девушка заметила в движущейся многолюдной толпе туристов одинокого маленького мальчика; быстро сориентировалась, что он потерялся; смогла добиться от него, как зовут маму и отвести к капитану...

Всё случилось, как я поняла после, в считанные пятнадцать минут. В стрессовой ситуации время растягивается, становится вязким, волнообразным и размеренным, и в небольшой промежуток может вместиться достаточно много событий. Повезло, что сын периодически бывал у меня на работе и запомнил имя-отчество. Долго не мог понять, отчего я плачу. Целовал мои щёки и, обняв, успокаивал: «Мамочка, не волнуйся!» А я в ответ: «Это в глаз что-то попало. Сейчас пройдёт!»

Много раз до мельчайших подробностей мы обговарива-

ли произошедшее. Оказывается, выйдя из магазина, не оглядевшись, сын сразу свернул на тропинку сзади дома. В тот момент, видимо, я смотрела в другую сторону. Почему-то решил, что жду его на пароме, и, без капли сомнения, решительно направился к пирсу. Как его нашла девушка – помнил плохо – растерялся из-за большого количества людей. После случившегося мы договорились так: если теряем друг друга из виду где-нибудь и когда-нибудь, возвращаемся в то же место, где расстались. Этот уговор выручал нас неоднократно.

Помню, девушка, оказавшая нам помощь, была невысокого роста, светлые короткие волосы, в джинсах... Имени её не спросила – до такой степени я была потрясена ситуацией. Она быстро затерялась в толпе, и ещё много лет я думала, что недостаточно поблагодарила и слишком мало произнесла слово «спасибо».

Вьетнамский мальчик

Очередной отпуск я проводила на даче: наслаждалась тишиной и уединением, любовалась цветами, собирала ягоды, варила из них изумительное варенье, ходила на море загорать и купаться. Нырять не любила, но в один из дней словно магнитом потянуло на морское дно. Взяла с собой маску, ласты и... Как я много потеряла, прожив столько лет у моря, не интересуясь глубинной водной стихией! Мне открылся совершенно иной мир, в ярком, сине-зелёном цвете, будто из другого измерения: длинные водоросли, разноцветные камни, белоснежные ракушки, морские звезды, серебристые мелкие рыбки... Красота необычайная! Нырнув несколько раз, наловила довольно-таки крупных устриц. Как я была горда уловом! Вышла на берег, позвонила тётке. Поговорили о том, о сём. Рассказала ей про свои успехи. Собаки мои, естественно, со мной. Все три. Постоянно плавали, иногда казалось, что и нырять пытались. На песке время от времени рыли норы – им везде чудятся мыши. Радужное настроение несколько омрачило неприятное телефонное сообщение с работы. Я ничего на него не ответила и отключила Интернет.

Затем появились соседи – большая вьетнамская семья. Каждый год в летние месяцы они жили поблизости с нашей дачей: ловили морских гадов, как мой папа называет всех

моллюсков, плавали, загорали. Вели себя тихо и вежливо, на всё спрашивали разрешения. Буквально за считанные минуты вьетнамцы наловили огромных устриц, похваставшись мне морским урожаем. Я улыбнулась, показав большой палец, и произнесла несколько раз, как по-русски называются эти морские жители. Было жарко, после стал подниматься лёгкий ветерок, обычно это происходит к восьми вечера. Сначала появляется тонкая зыбкая рябь, затем набегает волна, и ближе к закату море теряет свою манящую притягательность. И ещё это сообщение... Несмотря на то, что гнала все мысли о нём, время от времени вспоминала, поэтому раньше обычного засобиралась домой. Попрощавшись с вьетнамцами и забрав свою добычу, позвала собак и ушла.

Через день мы с Андреем проходили мимо нашего места, увидав следующую картину: весь морской берег был равномерно усеян бутафорными денежными купюрами и красивыми жёлто-красными салфетками с необычным орнаментом. На полянке, где любили останавливаться наши вьетнамцы, в стеклянной вазе стоял пышный букет белых хризантем, рядом в красной тарелке лежали пять апельсинов, огарки тонких свечей, термос и зажигалка с сигаретами. Мы поняли, что вьетнамцы проводили какой-то обряд. В голове промелькнуло далёкое, глубоко забытое воспоминание, немного встревожив. Наутро снова отправились на мыс. Взяли маски, трубки и ласты – мой улов в прошлый раз впечатлил всех. На полянке увидели своих вьетнамцев. Против обыкновения

лица у всех были серьёзные, растерянные и даже несколько мрачные. Приблизившись, я спросила, какой у них был праздник, при этом заметила, что хризантемы тёмно-розовые, а в тарелке лежали яблоки. Женщина, по виду старше всех, с горечью на меня взглянув, ответила, что нет никакого праздника – два дня назад утонул их мальчик. Меня как громом поразило: мы веселимся, отдыхаем, плаваем... А здесь – нет человека, просто нырял за устрицами...

Вскоре появились два русских водолаза, и мы узнали от них все подробности. Рядом с прибрежным маяком водится много моллюсков, глубина в том месте достигает десяти метров. Вечером, когда я была на море с собаками, поднялась сильная волна, и один молодой вьетнамец с полными сетками гребешков не смог доплыть до берега. Водолазы планировали искать паренька, так как тело до сих пор не нашли. «Надо помочь – горе у людей. Кто ещё, кроме нас. В округе больше никого нет, кто умеет на такую глубину нырять», – объяснили они. Я вспомнила росшие на морском дне густые заросли тёмных водорослей, они поднимались вверх к солнечному свету, и наши собаки, выходя из воды, часто оказывались полностью опутанными ими. Представила молодого вьетнамца, плавающего среди травы, и как маленькие рыбки подталкивают к поверхности его обессилевшее тело...

Из-за скорбных мыслей мы не смогли больше там находиться и ушли.

Вот такая жизнь. Что ей нужно было от этого юного че-

ловека? Почему вовремя не выпустил из рук тяжёлые сетки с моллюсками? Как это досадно, глупо, нелепо и очень печально – погибнуть вдали от родины в знойный летний вечер, доставая со дна ракушки для родных и друзей...

Пистолет

Всё началось с моего вступления в гаражный кооператив. Он находился на первом этаже жилого дома. Первое, с какой проблемой мы, собственники гаражей, столкнулись, – это частая поломка общих ворот, и их обслуживание легло на наши плечи. Всем мужчинам было некогда этим заниматься и, так уж получилось, я стала председателем нашего сообщества. Организовывала сбор денег, находила специалистов по электрике, ремонту ворот и уборке. Однажды даже судиться пришлось: вникла во все юридические тонкости, чтобы выиграть процесс. Всё было несложным, но отнимало достаточное количество времени: одна уборка проводилась целый день. А за всеми специалистами, независимо от того, что они выполняют, всегда нужен контроль.

Однажды ближе к обеду мне позвонил сосед по кооперативу и сказал, что несколько мужчин ломают общие ворота. На мой вопрос, почему сам не сообщил в полицию, ответил, что некогда – спешит на работу. «Да... какие интересные подробности характеров моих соседей начинают открываться!» – сокрушалась я с большим удивлением и возмущением в душе. Но надо было действовать. Позвонила нескольким участникам кооператива, которые жили или работали рядом, – никто не ответил. «Надо же, как сговорились!» – думала я с горечью. Затем в полицию – там пообещали на-

править участкового, который явился только в десятом часу вечера. В тот день было много вызовов – так он оправдался насчёт позднего прихода. Мне самой необходимо было спешить к сыну в школу, у него скоро начинался новый годний утренник. Машина моя, конечно, стояла в гараже. Делать нечего, я направилась туда. Ведь могли и мой транспорт угнать. Для подстраховки зашла с запасного входа, в итоге оказалась со спины нарушителей. Действительно, всё так и было, как описал сосед: двое мужчин изнутри гаража поднимали вверх с помощью троса железные ворота, а третий старался эту махину подпереть широкой доской. Я подошла к ним поближе, оставив между нами расстояние, чтобы в крайнем случае успеть ретироваться назад. Широко расставив ноги и подперев бока руками, громко спросила: «И что мы здесь делаем?» Они оглянулись, но потом продолжили заниматься своим делом, не обращая на меня внимания. От такой наглости и хамства я оторопела. Затем один что-то сказал остальным, и все разом опустили руки. В результате чего доска упала, и ворота вновь встали на своё место. Я, воодушевленная эффектом, который произвела на грабителей, ещё звонче произнесла: «Мне полицию вызвать или сами уйдете?» Один, выглядевший из этой троицы за старшего, растягивая слова, ответил: «Сами уйдем, если выход откроете». С помощью пульта подняла ворота и выпустила незадачливых воришек наружу. Довольная результатом, завела машину и поехала в школу. Сын встретил меня доволь-

ным возгласом: «Мама-мама! Наконец-то! Ты пистолет принесла? Мне его к моему костюму так не хватает!» На новогоднем утреннике он был пиратом. Холодное оружие в виде картонного кинжала с самого утра уложила в его рюкзачок, а про огнестрельное забыла. «Конечно, взяла!» – ответила я и, вынув из кармана куртки пистолет, протянула сыну. Тот, радостный, вприпрыжку умчался к своим друзьям-товарищам на школьную ёлку. И здесь меня осенило: детский пластмассовый пистолетик внешне выглядел как настоящий, тем более был довольно-таки увесистым. Его ручка мало того, что высовывалась у меня из кармана куртки, ещё и прилично оттягивала его. Так вот что напугало горе-грабителей! Они подумали, что я вооружена! А я-то вообразила, что моя угрожающая поза да громогласная речь произвели на них такое впечатление! Вот это да! Посмеявшись про себя, поехала домой. После много раз думала над тем, какое сильное действие оказывает на людей оружие и стала более серьёзно и ответственно подходить к содержимому своих карманов.

Как мы хоронили Женю

Поздно вечером позвонила соседка Татьяна. Часто всхлипывая, скорбным голосом сообщила:

– Женя умер! Соседи нашли. Смотрят, давно не выходит. А на двери замка нет, значит дома (у Жени дверь запиралась по-старинке – на навесной замок). Зашли к нему, а он лежит, – и зашла в рыданиях.

Конечно, я сильно расстроилась. Женька, ему было около пятидесяти лет, жил недалеко – через два дома. Родители и старший брат умерли, вёл хозяйство один, был не женат по причине аутизма и пристрастия к выпивке. Всем помогал в период огородной страды и по ремонту домашней техники. Денег брал немного – по-соседски.

– Татьяна, не плачьте, – стала её успокаивать, – давайте завтра встретимся и решим насчёт похорон.

На следующий день всем посёлком поняли, что из родных хоронить Женю некому. А когда такие обстоятельства – нет близких и некому позаботиться о данной процедуре, обычно не церемонятся: закапывают в общей могиле под безымянным столбиком с длинным номером. Представив это, стало не по себе, затем и вовсе жутко, поэтому начала разговаривать с соседями, что Женю надо похоронить «по-людски». Татьяна меня поддерживала и помогала всем, чем могла. Мужчины наши отправились в его дом и, как потом не

раз рассказывали, паспорт хозяина будто прыгнул им в руки. Если бы не нашли документ, пришлось смириться и со столбиком, и безымянной могилой. Отложив дела, оформили нужные документы, на что потратили несколько дней. На поселковом собрании долго решали, что делать с Жениным прахом. Одни предлагали развеять где-нибудь на сопке или в море, другие – оставить в крематории, а на собранные посёлком деньги хорошо помянуть покойника. Подумав, я сказала:

– Когда каждый из нас умрёт, наш прах тоже развеют, не похоронив, а на могильные деньги устроят веселье.

Все в замешательстве замолчали, долго глядели друг на друга, принимая единственно верное решение – хоронить Женю только рядом с родными.

Утром мы с Татьяной направились искать могилы Жениных родственников. Три раза вдоль и поперёк обошли поселковое кладбище. Даже наткнулись на брошенные и забытые всеми братские могилы воинов, с облезлыми, накренившимися памятниками, упавшими на них ветками деревьев и яркими в прошлом красными звёздами. Вот она, бесславная слава! Когда-то сражались за Родину, героически погибли, а теперь – в общей могиле с покосившимися регалиями...

Захоронений родителей и Жениного брата мы так и не нашли. В учётной книге смотрителей было пусто. Тут же увидели среди старых могил снесённый ржавый памятник, он валялся невдалеке, одинокий, никому не нужный, и на том ме-

сте проходили свежие похороны. Стало понятно, почему наши поиски не увенчались успехом: здесь, похоже, не брезговали «вторым этажом». Тем более, для праха глубокой ямы не требуется. Женька вряд ли тщательно следил за могилами родных, потому заросшие высокой травой холмики применяли вторично – рачительно и по-хозяйски. А ведь не прошло и десяти лет. Не найдя законного места, мы сообщили об этом соседям. Опять долго думали, строили разные предположения, что делать с Женей, лежавшим в виде небольшой кучки пепла в керамической, тёмно-коричневого цвета урне с узким горлышком. И снова начались разговоры, что прах надо развеять, а на оставшиеся собранные деньги крепко помянуть. Мы с Татьяной были непреклонны в своём первоначальном решении. Мужчины глядели недовольно, медленно почесывая затылки. Затем, отбросив сомнения, направились договариваться о предоставлении бесплатного места как для местного жителя. Смотрители сначала отбрехивались, как могли, но им напомнили, что почему-то сравнительно свежие могилы Жениных родственников бесследно исчезли, и... тут же для нашей процессии нашли свободный уголок. Мы сами выкопали ямку, забили столбики, закрепили памятник с табличкой... Я не могла и слова вымолвить – не было сил от душивших меня слёз. В голове крутилось как пластинка: «Вот и вся жизнь. Жил человек, теперь его нет. Осталась маленькая кучка пепла»... Помянули Женю вкусными бутербродами, салатами и виной с водкой – собранных

по-соседски денег хватило на всё. Вспомнили, как Женя в посёлке был самой популярной личностью – ни одна огородная суета не проходила без его участия. В таких ситуациях я не умею складно говорить, но вихрь моих мыслей в тот момент был только о добрых Женькиных делах и сколько с его помощью сделано на нашем участке. Я и сейчас, проходя по саду, как будто заново вижу низко согнувшегося соседа, тщательно подбирающего каждый камушек для аккуратно строящейся им дорожки... Когда у нас цвели лилии, каждую любил тягуче понюхать, осторожно дотрагиваясь до восковых лепестков. Возле него постоянно крутились собаки всей округи, радостно виляя хвостами-колечками и падая ниц на передние лапы. Он требушил их загривки, вычёсывал старую шерсть, приговаривая при этом: «Ах, вы хитрые!»; озорно шурился и одну за одной курил самые дешёвые сигареты...

Иногда заезжаю на кладбище. Навожу порядок, кладу цветы и становится понятно – могила не брошена. Недавно кто-то привёз мелкого щебня. Не стала спрашивать, кто из соседей это сделал, ни к чему. Стало приятно, что помнят этого одинокого и светлого человека.

Привет из Ташкента

Утро сразу не задалось: проснулась с ноющей головной болью, перед глазами всё кружилось, и периодически скакали тёмные мушки. Видно менялась погода. А мне надо в банк. Благодаря свободному рабочему графику в случае необходимости я могла поездку и отложить. Напилась таблеток и легла отдыхать. У мужа тот день наметился выходным. Почти заснув, услышала крик. Не понимая из-за чего шум, попросила супруга выйти на лестничную площадку и послушать, откуда он доносится. Через несколько минут муж прирвался в возбуждённом состоянии, при этом отрывисто, одними подлежащими, выкрикивал: «Жгут! Бинт! Зелёнка!» и, не разуваясь, стал нервно перебирать аптечную коробку. Поняв, что произошло нечто чрезвычайное, я молниеносно собралась и начала помогать в поисках. Прерывающимся от волнения голосом муж произнёс: «Машу, дворничиху, порезали. Лежит у нас в подъезде, кровь во все стороны, надо срочно остановить!» Не найдя медицинского жгута, схватили пояса от халатов, водку и побежали вниз по лестнице. Оба понимали, что счёт идёт на секунды. Маша лежала на спине, из её руки кровь резкой струёй хлестала по потолку и стенам. Такого я раньше никогда не видела. Приблизившись к женщине, супруг закрыл своей рукой рану, смоченную горячей жидкостью, на второй, на животе, не значительно

ной в сравнении с первой, лежала её ладонь. «Я же говорил тебе, лучше руку зажимай, а не живот!» – с досадой произнёс муж. Перевязав и крепко перетянув Машину руку выше локтя, подложила ей под голову книги, которые в суматохе захватила с собой – первое, что попало на глаза. Почему-то запомнилось название одной из них – «Энеида». Муж всё это время плотно держал рану. Примчалась дочь Маши, ей было около семнадцати лет, – маленькая, худенькая девчужка. От вида крови она чуть не упала в обморок, затем стала пронзительно плакать и кричать, из-за чего раненая пришла в себя и начала биться в истерике. Мы успокаивали уже обеих, говорили, что всё будет хорошо, и они успеют погулять на свадьбах своих многочисленных детей и внуков. Если будут голосить, сил не останется, а силы в той ситуации были жизненно необходимы. Убеждала Машу, как умела: «Помнишь, как рожала? Помнишь, надо было молчать, чтобы малыша не напугать? Вот так и сейчас – терпи. Скоро приедет доктор и поможет тебе!» Её чёрные восточные глаза были громадными и мутными от страха и слёз. Кто это сделал с ней, мы не спрашивали, но в один из моментов Маша схватила меня окровавленной рукой и стала быстро-быстро шептать: «Это он, муж мой. Шёл за мной, я успела в подъезд забежать, хотела к вам, думала, успею, но нет, был с ножом, приготовил заранее...» Сказав всё это, впала в полузабытьё... Дочь, не переставая, продолжала плакать, временами переходя на скулящий вой, и дрожа всем телом. В такой ситуации чело-

века необходимо переключить. Оказав первую помощь, мы с мужем стали торопить девушку с сообщением в скорую и родственникам. В больницу она боялась звонить, ещё и по-русски плохо говорила. А вот родные пообещали подъехать быстро. Вытерев об одежду руки от крови, я набрала номер скорой, но все машины были на выезде, ближайшая могла прибыть не ранее, чем через час. Спросила у дежурной, что делать в нашем случае, правильно ли, что с силой зажали раны и крепко перетянули руку. «Да, верно, но туго перевязывать можно не больше часа. Кровь обязательно должна поступать к конечностям», – ответили мне. И на этом спасибо, как говорится. Несколько раз бегала домой за новыми бинтами и тряпками – вокруг было залито алой с оранжевым отливом кровью. Вскоре приехал брат Маши. Вместе аккуратно отнесли и положили женщину в его машину, сами поехали следом.

За всё это время ни один из соседей не вышел из квартиры и не помог, хотя некоторые из них были дома. Никто не помог и стены с потолком отмывать. Зато шёпотом всю неделю спрашивали о подробностях происшествия.

В травмпункте спросили у врача, что необходимо делать в случае ножевого ранения, есть ли какие-нибудь особенности в отличие от бытовой травмы. Ответил, необходимо сообщение в полицию. Здесь я немного растерялась – мне было главным, чтобы спасли человека. Но после оказания помощи и подтверждения, что будет жить, на животе рана незначи-

тельная, а рука пусть не скоро, но заживёт, Маша пришла в себя, успокоилась и стала настаивать на обязательном вызове полиции и как можно скорее.

Уже через сутки её мужа поймали и депортировали как гражданина другой страны (их семья приехала на заработки из Узбекистана). Маше пришлось делать две операции – на руке были перерезаны связки. Повезло, что на левой. Сначала не понимали, почему так сильно изранена именно рука. «Это я защищалась, – объяснила Маша. – Он метил в глаз, левой закрывала лицо, а правой – живот». Бррр... Сказала ещё, что всё произошло из-за ревности, и не в первый раз. Просто раньше не доходило до поножовщины. Много лет она не могла ездить на свою родину – боялась бывшего мужа. При каждой встрече мы вспоминали о произошедшем, и всякий раз Маша радовалась: «Я счастливая! Если бы вас не было дома, умерла бы! Я и в подъезд побежала только из-за того, что вы были дома – машина во дворе стояла. Знала, что всегда поможете...» Точно – счастливая! Если бы у меня не заболела голова, и у супруга не было выходного, ещё неизвестно, чем всё закончилось. Много лет Маша угощала нас вкусным пловом и дарила диванные подушки с ярким цветочным орнаментом...

Прошло несколько лет. Один раз я зашла в свой подъезд вместе с Майей, новой помощницей по уборке квартиры. Она недавно приехала из Ташкента, много рассказывала, что за год жизни в нашем городе по причине загруженности на

работе ещё ни разу не успела побывать на море. Ей очень понравился наш город, свежий воздух и сильные ветра. У неё на родине очень жарко и душно, и из-за этого ей там тяжело дышать.

Этаж у меня высокий, лифт не работал, пришлось идти пешком. Внезапно бежавшая по лестнице сверху девушка с силой толкнула меня, больно ударив в плечо. Я была в стороне от её маршрута и никому не мешала проходу, а тем более пробегу. Майя в это время приостановилась – отдышаться – в глубоком дверном проеме, поэтому нападавшей сначала не было её видно. Девушка стала наносить мне один за другим удары. Чудом удержавшись на ногах, одной рукой я прикрыла лицо, вторую выставила вперёд, в ней по счастливой случайности держала связку ключей. Это укрепило мою защиту. Майя не растерялась и встала со мной бок о бок. Грозно сверкая огромными чёрными глазами, обрамлёнными густыми, пушистыми ресницами, твёрдо сжимала кулаки. Руки у неё были тонкие, с изящными запястьями и длинными пальцами. Обращаясь к нападавшей, металлическим голосом повторяла одно и то же: «Успокойся! Иди своей дорогой! Уходи!» И теснила её к перилам. Та не ожидала, что нас двое и окажем сопротивление. Сверкнув безумными глазами, отступила и быстро побежала к выходу вниз. Что ей надо было, я не знаю, можно только догадываться. Руки и плечи мои ещё долго болели – от ран и синяков.

Как и в случае с Машей, ни один человек не вышел из

своей квартиры. Наверное, снова были заняты делами. Если бы я была одна, неизвестно, чем всё закончилось. Уже дома я долго разговаривала со спасительницей, благодарила, расплатившись большей суммой, чем договаривались... Майя поделилась со мной, как по приезду, снимая в квартире угол, сначала жила в кладовке. Спала на детском матрасике, свернувшись клубочком, так как из-за маленьких размеров ничего больше не вмещалось. Дочь её выросла, жила отдельно; с мужем, который поднимал на неё руку, давно развелась и больше категорически не хотела замуж. Во Владивосток приехала из-за климата: у неё астма, а здесь, возле моря, ей легко дышалось. По образованию и опыту работы Майя оказалась учителем младших классов, но, как она объяснила, жизнь ей дала ещё одно испытание.

Вот так, сначала я когда-то помогла, затем мне. Не люблю фразу про бумеранг – слишком заезжена, но по-другому в моей ситуации не скажешь.

Никакие деньги не заменят помощь, когда спасаешь жизнь человека. И никакие деньги не измерят цену спасения жизни. Одно дело – ты врач или солдат. Другое, когда кризисная ситуация происходит в мирной жизни, и ты не готов. В первую очередь морально: кровь потом долго стоит перед глазами, а специфический запах боли и страха чувствуешь ещё много лет. Но ничто не сравнится с той эйфорией, когда из операционной выходит врач и говорит: «Несмотря на большую потерю крови, жить будет»...

Про материальное.

Когда я была совсем юной, много мечтала о материальном. В тот период полки магазинов были пустыми, а денег в кармане – весьма ограниченное количество. Разнообразные желания при этом вполне соответствовали духу времени моей молодости – девяностых годов. Иногда надо было просто выжить, порой перебарщивали с неуёмной жадной жить припеваючи и выглядеть лучше всех. Невзгоды проходили, и, становясь старше и мудрей, всегда вспоминали о них с юмором и без сожаления.

Однажды сломался холодильник, и пришлось весь мой скромный продуктовый набор вывешивать в сетке-авоське за окно. Повезло, что зима была без оттепелей. В те лютые морозы пределом мечтаний стала покупка нового холодильника – любого размера, цвета и формы... Лишь бы, готовясь к завтраку или ужину, больше не открывать двойные деревянные рамы за железные шпингалеты, к которым от холода прилипали пальцы, и не запускать в комнату из обледенелого окна обжигающий морозный ветер. И ещё, чтобы хватило денег на долгожданную покупку. Вскоре удалось купить подержанный, зато рабочий холодильник – ростом он был примерно по пояс. Теперь у меня их несколько – высоких и вместительных. Храним в них свои многочисленные припасы...

После поступления в институт место в общежитии мне

не дали, объяснив следующим образом: так как я с Камчатки, где у всех большие зарплаты, пусть мои родители ищут мне квартиру. В то время снять жильё было почти невозможно: квартир сдавалось мало и в большинстве случаев через знакомых. Я попала в бедственную ситуацию: с самого утра думала, где и у кого мне сегодня переночевать, особо не обременяя людей. Мечтала просто о своей кровати. Не о комнате и не квартире с холодильником. При этом с собой в небольшой сумке умещались все необходимые вещи. Остальные хранила на вокзале в камере хранения. Каждый день ходила в одной и той же одежде: в серой плиссированной юбке и зелёной с белыми лилиями блузе. По необходимости вечером стирала, утром надевала, иногда сырое, если не успело высохнуть. Вскоре удалось договориться со знакомыми старшекурсницами, уехавшими в колхоз «на картошку», пожить некоторое время в их комнате общежития. В первую же ночь поняла, что у меня есть нежелательные соседи – клопы. На всех железных панцирных кроватях были откручены ножки. Положив одну из сеток на середину комнаты, нарисовала вокруг своего ложа непрерывные волнистые линии. Прodelала это специальными мелками – отравой для насекомых. Помогло: клопы подползали к волшебной границе и останавливались перед ней...

Через некоторое время произошло чудо: я сняла комнату. На так называемой «пирожковой» площади, рядом с железнодорожным вокзалом, всегда роился народ в поисках жи-

лья, человек пятьдесят, не меньше. В большом напряжении все ожидали очередных объявлений. Изредка подходил новенький, люди затихали, настораживались, затем, когда понимали, что это – владелец квартиры или комнаты, кидались к нему, плотно окружая со всех сторон. Как мне тогда казалось – брали в плен. При этом каждый предлагал себя в качестве самого выгодного и раскрепасного квартиранта. Проведя несколько дней в нервной обстановке и полуголодном состоянии, наконец повезло: возле меня как из-под земли возникла женщина, предложив внаём комнату. Так как рядом оказалась только одна я, и ей нужна была студентка без вредных привычек, мы быстро договорились. Все деньги сразу отдавать не стала, объяснив, что с собой большую сумму не ношу. Оплатила за одни сутки, а на следующий день пообещала внести оставшиеся деньги за месяц вперёд. На том и порешали. Хозяйка вручила мне ключ и назвала адрес – раньше всё было намного проще. Окрылённая и счастливая, я поехала спать в свою постель. Добравшись уже в сумерках до места, оказалась в большой коммунальной квартире недалеко от центра города. Туалет, сидячая ванна, двери и полы были чёрно-рыжими от жира и многолетней грязи. Опыт жить в коммуналках у меня отсутствовал. «Ладно, – думала я, – может, сама комната будет попримичнее». Она оказалась крохотной, около восьми квадратных метров: железная кровать, небольшой стол, а всё оставшееся мизерное пространство было завалено чемоданами и вещами до само-

го потолка. Стоял запах сырости. «Пусть, – продолжала я себя успокаивать, – главное, есть свой угол».

Наступил поздний вечер. В ванной тонкой струйкой текла холодная жёлтая вода, горячей не было. Кое-как умывшись, отправилась спать. Долго не могла заснуть, прислушиваясь ко всем звукам. Вскоре у меня появилось ощущение, что в комнате кто-то есть ещё. Я мгновенно встала, включила свет и обмерла... одеяло, стены и пол были покрыты сплошным шевелящимся ковром, состоявшим из клопов и тараканов! Они шуршали и, как мне тогда показалось, громко клацали своими челюстями в предвкушении ужина. Быстро одевшись, схватила сумку, оставила ключ в коридоре на гвоздике и выбежала из подъезда. Добралась до общежития и ничком легла на панцирную сетку...

После, через друзей моих родителей, удалось снять комнату за сто рублей в месяц (в 1990-ом году это были большие деньги!) у одной бабушки. Мама раз в месяц присылала мне необходимую сумму плюс стипендия в сорок рублей. Сначала хватало. Затем цены стали расти как на дрожжах, в обиходе появилось слово «инфляция», и на эти деньги стало хватать только на хлеб, подсолнечное масло, чай, сахар, мыло и проезд в трамвае. Выручали посылки от бабушек и дедушек со сливочным маслом, тушёнкой, салом и мёдом. Никогда никому не жаловалась, как было трудно. Наверное, из-за того, что понимала – у всех аналогичная ситуация. Единственное, часто посещали мысли, ради какой-то учёбы все эти

трудности.

Бабушка, у которой я полгода жила на квартире, имела странные привычки. Днём она болела, любила, когда за ней ухаживали (это делала я), а ночью носилась по квартире, только пыль столбом стояла. Частенько в шесть утра заходила ко мне в комнату (я ещё спала), тянулась к клавише, та была на стене рядом с моим лицом, и включала на всю громкость радио. Когда я спрашивала, зачем это делает, отвечала с загадочным видом: «А вдруг война начнется!» При этом поднимала вверх указательный палец и блаженно улыбалась. Вскоре на учебную сессию приехали две её знакомые заочницы, и я по-прежнему, за те же деньги, продолжала жить в своей маленькой комнатушке, но втроём. Комната была метров десять, при этом пришлось спать на одноместной кровати с одной из девушек-студенток, беременной на последнем сроке. На соседнем узеньком топчанчике ютилась другая, крупная и тучная молодая женщина. Остальное свободное пространство занимали сундуки с вещами хозяйки. Несмотря на мои вопросы, оплата оставалась неизменной. Получить на них ответ не предоставлялось возможным – бабушка тут же становилась туга на оба уха. Иногда квартирная хозяйка съедала мои скудные блюда, при этом чмокала и приговаривала, что собаки на улице едят лучше, чем я. Я терпела – как бы трудно ни было, на улицу жить идти совсем не хотелось. Ещё я понимала, что эта бабушка – очень одинокий человек, которому нужно человеческое тепло и вни-

мание.

Были в той моей жизни и плюсы. Каждый день в четыре утра хозяйка занимала очереди в различные магазины. Тогда на полках ни промтоваров, ни продуктов в свободной продаже почти не было. И, благодаря пронырливому характеру бабушки, я умудрилась покупать шоколадные конфеты «Птичье молоко» в подарочных упаковках и японские автоматические зонтики. Сладости отправляла своим родным на дни рождения, а зонтики продавала на барахолках. Подолгу стояла в торговых рядах, рядом со мной и напротив были такие же, как я, горе-продавцы, заброшенные нашей страной волею разрухи и голода в это место. Мимо нас, протискиваясь сквозь плотную толпу, непрерывным потоком шли люди, внимательно разглядывая всё, что продавалось. В первый раз зонтик купили быстро и дорого, а на вырученные деньги я приобрела туфли. При этом пришлось пойти на конфликт, так как их заметила и другая женщина. Торговец решил спор в мою пользу. Только после окончания разбирательств я поняла, что туфли невероятно жмут. Пришлось снова встать в ряд продавцов. Мимо прошла женщина, чуть не подравшаяся со мной. Спросила цену, я ей назвала намного больше, чем купила сама. Она засмеялась и направилась дальше. Не обращая на её реакцию внимания, я упорно сбывала туфли по завышенной цене. В итоге у меня всё получилось: с рынка я ушла с зимними сапогами, что было более, чем хорошо. Так состоялось моё очередное боевое крещение – было

стыдно, неловко, с детства меня этому не учили, но ничего не оставалось делать. Надо было как-то выкручиваться и жить дальше. Теперь мне трудно найти время, чтобы перемыть после зимы всю свою обувь и навести в комнатах порядок...

В молодом возрасте было немало дней, когда на столе стояла весьма убогая, не поражающая особым ассортиментом еда. Хлеб с соевым соусом или гречка без масла могли надолго войти в мой рацион. Чаще всего это происходило в тот период, когда мы получали миллионы, а с первого апреля каждый год цены подсакивали в несколько раз, при этом зарплаты и тем более стипендии подолгу оставались прежними, если вообще вовремя выплачивались. Было и такое: вместо стипендии нам выдавали по два блока болгарских сигарет «Родопи»; с ними приходилось ездить на ту же барахолку, чтобы выручить денег. С появлением в жизни достатка, появилась вредная привычка: порой покупать продуктов больше, чем надо.

Одно из ярких желаний, которое воплотилось в жизнь, стала покупка золотых часов с бриллиантами. Почему оно у меня появилась? А не знаю. Было модно и престижно. Накопила денег. Купила. Сначала мне один знакомый сказал, что на них ненадёжный браслет: может расстегнуться, и потеряю часы. В панике часто трогала запястье – на руке они или нет. «Уф, на месте», – и снова бежала на работу, зарабатывая всё новые и новые деньги на выполнение своих материальных

желаний. Затем заметила, что некоторые слишком откровенно разглядывают мои часы, считая количество бриллиантов. Все камни были мелкими, по их чистоте я и вовсе не задумывалась, но одно слово «бриллианты» в начале двухтысячных годов звучало призывно, властно и гордо. Мне стало неловко носить эти часы и спрятала их в укромном месте до лучших времен. Затем разбила стекло на циферблате, как это случилось, я и не заметила.... После, у одной знакомой ограбили квартирантов, унеся из квартиры всё ценное, среди чего были мужские золотые часы. Мне стало совсем грустно, имея буквально на руках такую дорогую вещь. И я безвозвратно сдала свою драгоценность в ломбард.

Была и другая ситуация, касающаяся материальной жизни, у которой в итоге получилось совсем иное направление. Как каждая молодая женщина (или почти каждая!) я мечтала о шубе. Однажды, поделившись с подругой о своём желании, узнала, что у одной нашей общей приятельницы возникли трудности с деньгами (мужа взяли под арест и с адвокатами необходимо было расплачиваться), и та распродает своё имущество. Может, сейчас мало бы кто купил вещь с такой историей, но в то время никто на данные мелочи не обращал внимания. Шуба и шуба. Главное, сбылась мечта: у меня появилась длиннющая, почти до пят, шикарная чернобурка! Её длинный мех блестел и переливался на солнце, и я, когда шла по улице, ловила многочисленные завистливые женские взгляды, а мужчины оборачивались мне вслед.

Я была горда обновкой и тем фурором, который производила своим появлением. Ради такой дорогой покупки пришлось отдать все деньги, накопленные за несколько лет, и занять ещё, отдавая долг около года. Но эти трудности были не в счёт – главное, у меня была шуба! Да ещё какая! Я ликовала!

Прошло два года. Как-то моя кошка родила котят, да не где-нибудь, а в шкафу, где висела драгоценная зимняя шкурка. При этом кошечка стянула её с вешалки и когтями разодрала весь подол вместе с подкладочной тканью на тончайшие полоски. О, горе!.. Ладно, это дело я исправила – иголку с ниткой держать умею и весьма искусно: где-то подшила, где-то обрезала... В итоге любимая шубка стала немножко короче... Но это придало ей особую пикантность. Прошло некоторое время, и, как часто бывает в жизни, вещь стала мне порядком надоедать. Тем более у меня появилась другая меховая обновка. Чернобурка несколько сезонов провисела в шкафу, а потом отдала своей сестре. Она по своему вкусу переделала её в полушубок. Пролетело несколько лет, и сестра отдала обратно когда-то желанную и горячо любимую мною вещь. В таком виде меховое изделие пропылилось ещё несколько лет, пока мне в голову не пришла идея полностью его перешить. Отдала в ателье, повезло с мастером. Вместе долго размышляли, что можно придумать. И вот – вуаля! У меня появилось пончо – короткий полушубочек трапециевидной формы с широченными рукавами. Этакая меховая разлетайка. Самое удивительное было в том, что мех на ней

смотрелся, как новый. Последующая жизнь у шубы стала насыщенной и успешной: за рулём я провожу много времени, и обновлённая зимняя шкурка оказалась незаменимой из-за своей длины и удобства. Теперь в моём гардеробе она на почётном месте зрелой, но ещё полной сил и энергии молодой помощницы...

Вот так, шаг за шагом рождались смешные и не очень курьёзы. Конечно, гонка за лучшей материальной жизнью не была главным её смыслом. Думаю, в своих финансовых желаниях я не одинока: многие прошли через похожие ситуации и также, с долей лёгкой иронии, вспоминают вещественные трудности, которые поневоле пришлось пережить и которые повсеместно окружали нас в молодости. Но самое главное, оглядываясь назад, ключевым словом здесь является именно слово «молодость»...